

К 425-летию Воронежа

В преддверии юбилея города редакция альманаха «Университетская Площадь» обратилась к ведущим ученым ВГУ с вопросом: «Каким представляется Воронеж Вам сегодня, и каким Вы хотели бы его видеть завтра?» Сегодня мы предлагаем вниманию читателей некоторые отклики.

Д. А. ЕНДОВИЦКИЙ

ВОРОНЕЖ — ГОРОД РАСКРЕПОЩЕННЫХ ДУШ

1918 год — особая дата в истории Воронежа: город получил университет.

Переезд в Воронеж одного из старейших университетов Европы (пусть фрагментарный, пусть носящий чрезвычайный характер) означал коренной переворот в жизни провинциального центра.

Статус «университетский город» означал возникновение в регионе принципиально нового интеллектуального пространства — территории раскрепощенных душ, территории свободного творчества, научного, духовного, нравственного.

Свыше девяноста лет университет вносит свою лепту в историю Воронежа, многие страницы которой заполнены выдающимися работами наших ученых — Н. Л. Бурденко, М. С. Цвета, И. И. Шмальгаузена, Б. М. Козо-Полянского, М. Б. Храпченко, А. А. Дубянского, А. В. Думанского, В. И. Собинниковой, М. А. Красносельского, С. Г. Крейна, П. Г. Богатырева, В. П. Загоровского, М. А. Левитской, И. Н. Бороздина, А. И. Немировского, Я. А. Угая.

Сегодня университет не просто головной вуз региона. Он поистине интеллектуальный градообразующий центр, объединяющий и

консолидирующий колоссальный творческий потенциал Воронежа. Примечательно, что один из корпусов университета располагается там, где зарождался город. В этом мне видится особый смысл — прошлое, настоящее и будущее Воронежа неразъединимы, и тому порукой знаменитые три «д», на которых зиждется университет — достоинство, демократизм, добросердечие. Данные качества, мне кажется, свойственны и Воронежу. Поэтому я с оптимизмом гляжу в будущее и города, и университета.

Футурологические прогнозы — занятие рискованное. Ограничусь главным: роль вузовского ученого возрастет — он станет реальным двигателем научного прогресса, разработчиком новых идей и технологий; обновление промышленного потенциала города будет напрямую зависеть от качества интеллектуального труда ученых города.

Динамизм развития Воронежа станет определяться не количеством развлекательно-торговых центров, а количеством молодежи, способной решать самые сложные творческие задачи.

Научная мысль города станет определяющим фактором его развития.

М. З. Берколайко «КАКОЕ ПРОШЕДШЕЕ МЫ ТАЩИМ С СОБОЙ В БУДУЩЕЕ?»

Советских времен помню художественный фильм о строительстве Сталинградского тракторного завода. Была там такая сцена. Героиня, комсомолочка, начальник одного из участков стройки, узнает, что две бригады бросают работать и уезжают домой. Она в отчаянии — горят не только повышенные обязательства, но и бескрылые планы, составленные буржуазными спецами. Бросается к жилым баракам — подводы с людьми и скарбом недавно отъехали. Бежит по пыльной дороге, догоняет, уговаривает вернуться, голосит про планы и обязательства — все напрасно, ее никто не слушает, ей никто не отвечает, подводы издевательски медленно удаляются от стройки... В последнем, за разумом, отчаянии она кричит: «Да люди вы вообще или нет?!», на что степенный бородатый мужик дает спокойный, «за-разумный» ответ: «Воронежские мы».

Ожидал любой реакции зала (в Баку бы порезали экран), но она была... не соцреалистичной, не сюрреалистичной, не кафкианской, не экзистенциальной, не фрейдистской... философы, психологи, помогите!.. то был не смешок, не смех, даже и не радостный смех... то был горделивый гогот! И означал он: «Да, вот такие мы особые!». Несомненно, двуногие, возможно, Божьи — однако, особые!

Есть в английском затейливая грамматическая конструкция, ныне почти не используемая, — «Future in the Past» — «Будущее в прошедшем». Давайте нафантазируем конструкцию еще более замысловатую: «Past in the Future». Какое прошедшее мы тащим за собой в будущее, точнее какое прошедшее ташит туда нас?

Топография города-крепости, к которой пристроены городки-спальни? Не очень удобно, но терпимо.

Центр с прорастающими опухольями нуворишских домов? Плохо, но терпимо.

Исчезают грязноватые улочки «частного сектора», а на их месте возникают не чистые улицы, а ряды заборов, один другого неприступнее, за

которыми коттеджи, один другого кичливее? Так мы ж особые, можно и это перетерпеть.

Можно все же решиться идти с этим в будущее, надеясь, что оно станет не просто следующим, однако, есть прошедшее, присутствие которого уже и в настоящем недопустимо, — имена садистов-убийц, присвоенные улицам Воронежа. Прежде всего, Землячки — фурии, жестокость которой не превзошли и зондеркоманды. А улицы Свердлова и Урицкого жмутся к Плехановской — и это уродливо, потому что Плеханов, выдающийся мыслитель, уроженец Воронежа, не только не запятнал себя преступлениями против человечности, но был непримиримым противником любого террора.

Какие б мы ни были особые, но не может человек быть счастливым, если живет на улице имени садиста, улице имени палача, улице имени убийцы (во Франции нет улицы Сансона, Марата, Робеспьера или Сен-Жюста). «Как корабль назовешь, так он и плавать будет».

Все разговоры о трудности и высокой стоимости процедуры переименования лукавы на фоне утекания в никуда, вернее сами знаете куда, огромных ресурсов. Эти разговоры, драпируемые в смиренное понимание истории, как луга, на котором «расцветали все цветы», есть то самое гоготливое утверждение своей особенности, смахивающей на яркую индивидуальность птеродактилей — вроде бы, птиц, но вроде бы и зубастых хищников; особенности, которая заканчивается вымиранием.

В Воронеже вымерли по крайней мере три научные школы мирового уровня. В Воронеже нет писателей уровня Троепольского (не говоря уже о Бунине или Платонове), нет художников уровня Криворучко, композиторов уровня Носырева и архитекторов уровня Троицкого или Миронова.

Зато остались улицы, увековечившие память подонков. Это не вымирание?

Что же до воронежского бизнеса, воронежского чиновничества, воронежского менеджмента, воронежского пролетариата, воронежской интеллигенции и т. д. — все это очень

похоже, как и в большинстве городов России, на любовное единение бессутия и бесформия или в лучшем случае — на диалектическую борьбу ложной сути с ложной формой.

Так я вижу настоящее Воронежа. Что ждет в будущем — не знаю. Слабо надеюсь, что не «Past in the Future».

Читаю концепции развития города и радуюсь за своих коллег — экономистов. Во-первых, хорошо написано. Во-вторых, коллеги получили за них деньги, не очень существенные, но позволяющие — надеюсь — некоторое время заниматься настоящим делом.

Е. Н. Ищенко ПРОВОРНИШЬ?!..

Парадокс — суть и смысл воронежской жизни. При огромном количестве чрезвычайно интересных и творческих людей, обилии театров, вузов, музеев — удивительная для миллионного города скудость и однообразие культурной жизни. Убедиться в этом несложно — достаточно поглядеть афишу на неделю, местные телепрограммы, прочесть губернскую прессу... Воронеж быстро «схватил» материальную канву изменившейся жизни, по-купечески обустроившись помпезными особняками, выдавив из центра города то, что и составляло его сокровенную душу, — старые дома, скверики, парки. Вслед за этим — увы! — не последовало прорывов к цивилизованному быту и бытию. Агрессия, хамство и пошлость не отступили даже перед железной поступью рыночных реалий. Стало быть, культура все же первична...

Духота и избыточность есть, пожалуй, определяющие концепты воронежского бытия. Духота как следствие воинственного сопротивления «не-воронежскому», неприязни к иному-другому, нетерпимости к свободе и тотального воспроизведения клановоподобных структур везде, где это только возможно (и, казалось бы, невозможно...). Коммуникативная и эстетическая избыточность происходят из агрессивного самоманифестирования, без которого «воронежского» человека как бы и вовсе нет. Погромче крикнуть о себе, поярче проявиться на негативе общего фотоснимка, оттолкнуть встретившихся на пути — как же это все по-воронежски! Впрочем, как медоточивым голосом вешает рекламный персо-

наж, — не надо слов, достаточно просто прогуляться по парку «Орленок», уцелевшему в битвах с супермаркетами, очевидно, именно для того, чтобы наиболее зримо воплотить идею воронежской идентичности. Здесь сосуществуют братская могила, невнятная скульптурная группа (привет из индустриальной эстетики шестидесятых), подаренный с барского столичного плеча памятник Поэту, парк аттракционов, который просто просится без всяких купюр в инсталляции Ильи Кабакова («Винзавод» и «Гараж» отдыхают!).

И все же Воронеж обладает безусловной притягательной силой, истоки которой в тех временах, когда в нем действительно создавалась новая культурная среда. Во многом благодаря тем людям, которые в послевоенные годы — часто в силу трагических поворотов судьбы — не имели возможности продолжить карьеру в столицах, приехали в Воронеж помимо своей воли, но — будучи воспитаны так, что интересы дела прежде всего — стали восстанавливать и создавать свой город. Город, в котором чувствовался бы дух не слободки, но столицы. Вдохновенные тени людей, ставших славой и гордостью «города и мира», до сих пор охраняют его от окончательного падения в бездну пошлости и глупости.

При всей своей невыдуманной мощи и богатствах всякого рода на настоящий момент Воронеж не имеет внятного лица — или бренда, если угодно. Тсар Питер Фёст энд шипс? Хорошо, но лишь для начала экскурсии с иностранными гостями. А должно быть и продолжение этой Истории. Истории города, родившего

и вытолкнувшего в мир Бунина и Платонова, приютившего, но не согретшего Мандельштама и Ахматову... Отсутствие объединяющей идеи, выходящей за рамки частного интереса и мотиваций ничтожнейшего сорта, приводит к оскудению благодатнейшей почвы и в самом прямом, и в переносном смысле.

Каким я вижу «Воронеж моей мечты»? Таким, каким он открылся во время Платоновского фестиваля — стильным, возвышенным, праздничным. И потрясенным. Потрясенным тем, что такого уровня и вкуса проект возможно осуществить здесь, в Воронеже. Одно из самых ярких воспоминаний — участники

Платоновских чтений после спектакля «Рассказ о счастливой Москве» стоят на углу улицы Театральной. И просто не могут разойтись, потонув в восторженных восклицаниях и признаниях в любви к Платонову, друг другу, Воронежу.

Никак нельзя Воронежу, затворив поплотнее «окна возможностей», удалиться в душевные купеческие покои, «проворонив» себя в другом образе-облике.

И еще. Воронеж просто обязан стать городом, из которого можно напрямую, без «перекладных» улететь в Рим, Лондон, Брюссель. И вернуться. Домой.

Э. П. Домашевская КАКИМ Я ВИЖУ БУДУЩЕЕ ВОРОНЕЖА?

Будущее не может быть без настоящего и, конечно же, без прошлого — это прописная истина. Однако многие города России остались в прошлом, несмотря на славную историю, и теперь мы их называем малыми городами.

Не думаю, что с Воронежем произойдет что-то подобное. Почему?

Само имя города Воронеж — это сочетание несочетаемого: названия черной птицы ворона и колючего лесного ежа... Но с другой стороны, наличие последнего слога -неж придает названию города теплоту и нежность, окрашиваемую нашей неистребимой любовью к этому городу, даже если мы и не родились в нем, но отдали его славе все свои силы, а не только «души прекрасные порывы».

Прежде всего, Воронеж имеет прекрасное географическое положение на Центрально-Европейской возвышенности, недалеко, по российским меркам, от столицы, при впадении реки Воронеж в Дон. Вслушайтесь в это звенящее название ...Дон-н... и вы поймете, почему у немцев старшего поколения при словах «Дон» и «Волга» становятся серьезными и задумчивыми лица, а среднее поколение немцев старается во что бы то ни стало увидеть Дон и в нем искупаться. Но, к сожалению, мы

это богатство не используем, нам все некогда за суетой ежедневных дел серьезно заняться международным туризмом.

Во-вторых, конечно же, славная история, выделяющая Воронеж среди множества других городов России. Встав на защиту южных рубежей Родины 425 лет назад небольшой крепостью на высоком берегу одноименной реки, к концу XVII века Воронеж приобрел такое важное стратегическое значение, что вездесущий император Петр I обратил внимание на эту крепость и создал здесь первый российский флот, одержавший победу над турками в Азовском море и положивший конец турецким притязаниям на южные рубежи России.

Известно, что в то же время Петр I делился своими мыслями со святителем Митрофанием о создании новой столицы России на месте слияния рек Воронеж и Дон.

Безусловно, имя Святителя Митрофания освящает всю последующую историю нашего города. Его святое имя было известно по всей Великой Руси, он был духовником Петра I и оказывал на него благотворное влияние. Как велико же было и мое прозрение, когда в 2000 году, будучи на международной конференции в Беркли (Калифорния), я со-

вершила экскурсию на российский клочок земли в Америке Форт Росс и в небольшой деревянной церкви, срубленной из красного дерева тамошних секвой в начале XVIII века моряками «Юноны» и «Авось», среди икон Иисуса Христа и Девы Марии узнала с радостью и ликованием знакомый и дорогой образ Святителя земли воронежской — Пресвятого Митрофания!

За этими великими именами следуют имена наших поэтов и духовных деятелей Кольцова, Никитина, Болховитинова, Веневитинова, художников Крамского и Киселевой и более близких к нам по времени Платонова и Мандельштама, архитектора Троицкого.

А чего стоят имена народного композитора Массалитинова и певицы Мордасовой, современников нашего поколения.

Каждое из этих имен может стать брендом фестиваля, литературных чтений, симпозиумов, конференций... да мало ли еще различных форм просвещения!

Где вы, новые подвижники, готовые встать в один ряд с режиссером Бычковым, героем Платоновского фестиваля 2011 года?!

В-третьих, город обладает главным на Земле природным богатством — черноземом! Недаром Воронеж издавна считается столицей Центрально-Черноземного региона, ранее называемого ЦЧО. Всем известен факт о хранении в Парижской палате мер и весов в качестве эталона почв одного кубического метра воронежского чернозема. Именно поэтому 100 лет назад в Воронеже были открыты один из первых в России сельскохозяйственный институт, ныне ВГАУ, опытная станция Докучаева в Каменной степи. Все это было в то время, когда Россия стала одним из главных в мире экспортеров зерна.

Будущее Воронежа должно быть связано с возрождением славы главного города житницы России, стоящей во главе современного сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности.

В-четвертых, Воронеж — это университетский город! История развернулась так, что Воронеж в 1918 году стал обладателем огромной духовно-материальной ценности — вторым по счету Императорским Русским университетом, основанным в 1802 году на западных рубежах России в городе Юрьеве (Тарту), который был эвакуирован в Воронеж в 1918 году. И начиная с осени 1918 года, уже Воронежский государственный университет выполняет роль флага образования и науки в Центральном Черноземье. За почти вековую историю ВГУ воспитал тысячи высококлас-

сных специалистов. Его заканчивал нобелевский лауреат Павел Черенков, в нем работал выдающийся организатор здравоохранения СССР хирург Н. Н. Бурденко, основатель хромотографии М. С. Цвет, выдающийся ботаник, организатор и директор Ботанического сада ВГУ, член французского Линнеевского общества, член-корреспондент СССР Б. М. Козо-Полянский, одна из первых женщин-физиков России профессор М. А. Левитская и многие другие выдающиеся ученые.

В числе известных научных школ России в настоящее время успешную научно-педагогическую деятельность в ВГУ развивают:

Школа археологов, выделившая во главе с профессором А. Д. Пряхиным «Воронежскую культуру» в начале 1980-х гг. по памятникам в бассейне реки Воронеж;

Научная ландшафтная школа (основана Ф. Н. Мильковым, продолжается В. И. Федотовым), известная эколого-ландшафтными исследованиями. Эта школа развила новое направление в ландшафтоведении — антропогенное ландшафтоведение и геоэкологию как науку о комфортности окружающей среды.

С участием выдающейся **геологической школы ВГУ** во главе с членом-корреспондентом РАН Н. М. Чернышовым в 1970 году была выделена Воронежская никеленосная провинция в связи с открытием в Воронежской области ряда сульфидных платиноидно-медно-никелевых месторождений. Наиболее важные в промышленном отношении месторождения сосредоточены в Хоперском мегаблоке, целиком расположенном в нашей области. По запасам и ресурсам цветных (Ni, Cu, Co) и благородных (Pt, Au) металлов Воронежская область является третьей никель-платиноносной провинцией России после Норильского и Кольского регионов. Именно это обстоятельство выдвигает ее на ведущую роль в создании новой перспективной минерально-сырьевой базы страны и обеспечении ее устойчивого социально-экономического развития в XXI веке.

Однако эти богатства, залегающие глубоко под землей, и создают угрозу экологии землепользования и главному уникальному богатству — воронежскому чернозему. При этом следует помнить, что выдающаяся школа почвоведов ВГУ была создана профессором П. Г. Адерихиным (продолжена А. Шербаковым), окончившем в 1927 году агрономический факультет ВСХИ (первого высшего учебного заведения Черноземья в царской России), работавшем агрономом в Каменной степи на опытной станции им. В. В. Докуча-

ева, затем заведующим отделом Воронежской областной сельскохозяйственной станции, с 1936 года — заведующим кафедрой почвоведения ВГУ, бывшем членом Центрального совета Всесоюзного общества почвоведов при АН СССР, одним из создателей почвенной карты Воронежской области, одним из основателей агрохимии, изучавшим водный режим и свойства черноземов, поглотительную и лучепоглощающую способность почв в разных природных зонах России.

На платформе этих фундаментальных школ биологического, географического, геологического и других естественных факультетов следует выстраивать новое здание регионального или национального межвузовского центра «Экология природопользования Центрального Черноземья» совместно с Воронежским государственным аграрным университетом имени К. Д. Глинки.

Целью данного проекта должно стать повышение качества жизни человека в Центральном Черноземье на основе изучения закономерностей его взаимоотношений с окружающей средой.

В качестве задач будущего проекта может стать решение следующих проблем:

- повышения экологической эффективности экономики ЦЧР;
- сохранения и развития ландшафтов на основе исследования отрицательных факторов влияния человеческой деятельности;
- сохранения черноземных почв и развития их урожайности на основе генетических исследований растений;
- исследования и предотвращения рисков угроз чернозему в связи с возможной добычей медно-никелевых руд на Богучарской платформе;
- коренного улучшения природной среды ЦЧР путем мелиорации, направленной на борьбу с эрозией почв;
- оценки запасов и поиска новых источников чистой воды;
- очистки воды в Воронежском водохранилище и других водоемах;
- мониторинга радиоактивного фона в связи со строительством и запуском новых блоков ВАЭС;
- создания центра сертификации и аттестации наноматериалов в связи с их повышенной экологической опасностью для человека и природы;
- разработки и создания электронных приборов с различными типами датчиков для мониторинга окружающей и внутренней среды человека;

— разработки алгоритмов управления датчиками для повышения чувствительности и избирательности приборов;

— совмещения технологического прогресса с экологическим;

— исследования влияния психологии человека на окружающую среду;

— экологии русского языка;

— отражения вопросов экологии и природопользования ЦЧР в современных СМИ.

Будущее Воронежа я связываю с будущим федеральным Центрально-европейским университетом имени П. А. Черенкова — лауреата Нобелевской премии, выпускника ВГУ. В новом статусе ЦЕФУ станет центром духовной культуры города, развивающим лучшие традиции российского образования на базе современных образцов уникального оборудования.

И, наконец, далеко не каждый город России может похвастаться именем лауреата Нобелевской премии, за исключением двух столичных городов. В то время как с Воронежем связаны судьбы трех (!) лауреатов. Первый из них — Иван Бунин — получил Нобелевскую премию по литературе. Вспомните возы знаменитых антоновских яблок из его рассказов, запахом которых ежегодно осенью был пронизан весь город Воронеж... А затем были две Нобелевские премии по физике: Павлу Черенкову за открытие излучения, названного излучением Черенкова — Вавилова и Николаю Басову за открытие лазеров. Первый окончил физико-математический факультет ВГУ, второй — школу, расположенную рядом с ВГУ (теперь гимназия им. Басова). Таким образом, все три имени Нобелевских лауреатов как бы образуют алмазный венец, достойно обрамляющий Воронежский университет.

Я вижу будущий Центрально-европейский университет расположенным на той же «Университетской» площади имени трех лауреатов Нобелевских премий с достойным памятником этим лауреатам на месте печально известного «чупа-чупса» с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Но все это, скорее, духовные и историко-культурные символы и бренды Воронежа. А где же, спросите вы, базис, на котором должно возвышаться прекрасное здание надстройки? Конечно же, основой промышленного и научно-технического развития Воронежа должны оставаться модернизированные Нововоронежская атомная станция, Воронежское авиастроительное объединение, производство ракетных двигателей и ракетного топлива объединения «Энергия», разработки новых

средств связи в концерне «Созвездие» и во вновь пришедших фирмах типа «Сименс», современное производство синтетического каучука и шин, производство минеральных удобрений, производства по переработке сельхозпродукции, выращенной на черноземе, современные мощности по утилизации отходов, от которых погибает российская земля, и многое-многое другое.

И во главе всего этого стройного и слаженно действующего механизма на нашей земле, по размерам превосходящей площадь Франции, должен стоять Человек, профессионал с блестящим фундаментальным образованием и широким кругозором, духовно и культурно развитый патриот своей Родины, умеющий без усталости трудиться здесь и сейчас и с верой и надеждой устремленный в будущее.

И. А. Стернин

КАКИМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВАМ ВОРОНЕЖ СЕГОДНЯ ?

Мы приехали в Воронеж в 1964 г. с севера — из Ярославля. Помню свои первые впечатления о городе — много зелени, цветы на улице, тепло, пирамидальные тополя, которых мы никогда раньше не видели (мы приняли их за кипарисы). В магазинах было мясо и курицы, чего мы никогда не видели в Ярославле. На улицах много полных и громогласных женщин в платьях с яркими крупными цветами, многие жители «гэкают» и очень громко разговаривают — вначале мы просто глохли. Очень богатые рынки — много фруктов, черешни, абрикосов, большие арбузы. При этом рынок здесь называют по-южному базар, хотя над входом и написано «рынок». Со временем ко всему привыкли, стали воронежцами — сами стали понемногу «гэкать».

Воронеж как город мне нравится. Из российских городов, которые я посетил, Воро-

неж мне представляется одним из лучших, способным конкурировать с полуторамиллионниками Нижним Новгородом и Екатеринбургом. Город достаточно компактный, зеленый, окружен лесами, в нем в целом удобно жить. Много живописных и красивых мест и в черте города, и в окрестностях. В нем не ощущается провинциальности, как, например, в Ярославле, Орле, Твери, Тамбове, Курске.

Город удобно расположен по отношению к столице — и недалеко (ночь на поезде), и достаточно далеко, чтобы стать ее городом-спутником, из которого Москва высасывает людей и ресурсы, как из многих других близлежащих городов, превращая их в свою зону отдыха.

Город развивается, много строится, благоустраивается, меняется к лучшему (правда, пока в основном в центре).

КАКИМ БЫ ВЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ ГОРОД ЗАВТРА?

Ябы хотел видеть воронежцев более спокойными, веселыми и доброжелательными. Чтобы не было на улицах, в общественных местах, на дорогах, хамства, грубости, агрессии. Чтобы мат не слышался на каждом шагу.

Хочется, чтобы около домов были нормальные дороги, без многолетних ям и огромных выбоин, хронических луж. Чтобы воронежская молодежь перестала в парках сидеть на спинках

скамеек, поставив ноги на сиденье — никак не пойму, какой в этом смысл. Чтобы автолюбители перестали загонять свои машины мне под окно на газон, парковать их на пешеходных дорожках — не могу терпеть такого хамства.

Считаю, что не пешеходов в городе надо загонять под землю — в переходы — или заставлять карабкаться в надземный переход на высоту трехэтажного дома, как на Москов-

ском проспекте, а надо машины загонять в местах перехода людей под землю.

Город нуждается в дополнительных деревьях в жилых зонах, в том числе и в центре. Крайне странно, например, что городская администрация, наоборот, вырубил те небольшие деревья, которые росли перед ее зданием.

Провозглашенную к празднику — 425-летию — «зону гостеприимства» надо расширить и на левый берег, и на Северный, и на Юго-Западный районы — «вылизывать» надо не только центр, ведь основное население живет не в центре.

Очень хочется, чтобы жители перестали везде выбрасывать мусор себе под ноги — в

парках, пригородных лесах, во дворах и около скамеек, на которые присели. Неуважение к чистоте наших горожан мне просто непонятно. Город надо убирать и вовремя вывозить мусор, стыдно проходить мимо мусорных ящиков, которые везде представляют собой многодневную свалку. Уборка мусора и поддержание чистоты в городе должны стать городским приоритетом.

И надо что-то сделать с красивым и нужным всем нам водохранилищем — оно должно украшать город, как и раньше, быть местом отдыха, купания людей, а не болотом со зловонной пеной по берегам.

Хочется жить именно в таком городе.

В. В. Тулупов

ПОДРУЖИТЬСЯ С ГОРОДОМ НЕПРОСТО...

Недавно я выпустил небольшую книжку под названием «Города, где я бывал...» со стихами и репродукциями своих урбанистических картин. Конечно, Воронеж в ней занимает центральное место, хотя знакомство с городом, начавшееся почти сорок лет назад, не сразу переросло в приязнь (надеюсь — обоюдную):

*...Подружиться с городом непросто,
городу полюбится не всяк:
можешь в нем родиться, жить лет до ста —
да вот не подружишься никак...
Город, как собака, — чует наших,
в кровь дерется город за своих,
то есть много соли, много каши
съесть с ним надо, скушать за троих...
Город — женщина, что точно знает,
если любишь искренне ее,
если нежно трогаешь, ласкаешь,
если шепчешь: мой, моя, мое...*

Любой город — это прежде всего люди, с которыми вел или продолжаешь вести переключку. Вадим Кулиничев очень трогательно любил Воронеж, собирая буквально по крупичкам все, что выделяло его среди других областных цен-

тров. Как-то почти на полном серьезе поведал нам, что один ученый открыл над столицей ЦЧР какую-то ауру, излучающую благотворный свет, способствующий развитию культуры и искусства... Помнится, Саша Смирнов, с его ироничным взглядом на все и вся, на этот раз добродушно согласился с другом, зная, как тот почти по-детски радуется любой положительной информации, касающейся родного Воронежа...

*День прощальный, хмурый, межсезонный —
Осенью пахнуло как-то вдруг...
Скоро, скоро поезд многотонный
Увезет тебя далеко, друг.
Город древний — и родной, и темный —
Встретит и печально лишь вздохнет...
Снова день наступит беспокойный,
И тоска как будто отойдет.
Только иногда кольнет у сердца,
Жар воспоминания обдаст...
Оглянувшись, ты прикроешь дверцу...
Не грусти — увидимся, бог даст.*

С каждым годом Воронеж становится все ближе и роднее. Мне кажется, особенно он хорош в пору цветения каштанов: буйная зелень в сочетании с послевоенной архитекту-

рой делает его очень уютным. Возможно, еще и потому, что с детства образ большого города у меня был связан с домами, под крышами которых расположилась прихотливая лепнина, с внутренними двориками, в которые можно проникнуть лишь через арки...

Когда я выступаю гидом для своих гостей, то иду сложившимся маршрутом: Пушкин, Кольцов, Никитин, Бунин, Платонов, Есенин, Высоцкий... От памятника к памятнику, от улицы к улице, от сквера к скверу, от дома к дому пытаешься нарисовать хотя бы штрихами портрет сегодняшнего города, а вспоминаешь вчерашний...

*Я вернулся в свой город, но он не знаком...
Он не хуже — значительно лучше,
но повеяло вдруг на меня холодком —
город мой показался беззвучным...*

*Город мой, город мой, почему ты немой?
Почему мы друг другу не рады?
Может быть, потому, что ты стал дорогой:
украшают тебя эстакады
и гиганты-дома, и билборды реклам,
и авто на шикарных развязках?
Поделен ты во мне навсегда пополам:
Старый — Новый, в неоновых красках.
Ты сегодня, увы, не со мной говоришь
и иные ведешь диалоги,
ты все больше похож на Берлин или Париж —
вид вполне европейский, по моде.
Но я так не хочу отдавать, отпускать
тот — из памяти: тихий, нескладный.
Ты позволишь тебя иногда вспоминать
деревянным и низеньким, ладно?..*

А еще я люблю летний Воронеж после дождя. Июльский улыбающийся Воронеж...

*Мне нравится, нравится дождь, хоть и промок до нитки —
приходит без спросу, когда не ждешь... И все же улыбки,
вызывает у горожан (если недолгий и теплый) —
у петербуржцев и парижан... Даешь Париж мокрый!
Даешь Воронеж чистый, в потоках летней воды,
умытый, в каплях искристых до самой первой звезды!..
от сложностей и неудач, от суеты и заботы,
спрячь меня, дождь, спрячь — уставшего от работы...*

В. И. Федотов ВОРОНЕЖ. ПОСЛЕВОЕННОЕ

Воронеж — приобретенная мною родина. Родина по рождению, детству и отечеству — Тульский край, Алексинское Поочье.

Первое знакомство с Воронежем состоялось в теперь далеком 1956 году, когда 18-летним юношей приехал подавать документы для поступления на географический факультет ВГУ.

Город встретил молодого мигранта ухоженностью улиц, пышной зеленью цветущих молодых лип, сохранившихся единично каштанов и катальпы — экзота Юго-Восточной Азии. Следов катастрофических разрушений за время

военных сражений уже тогда в центре города оставалось немного — учебный корпус математика ВГУ на ул. Ф. Энгельса напротив Первомайского сквера да пятиэтажное задымленное пожароопасное здание в начале ул. Пушкинской, по правой стороне, на стенах которого еще долгое время сохранялась надпись-напоминание: «Смерть фашистам».

Возрождали Воронеж в стиле ретро. Согласно первому послевоенному генеральному плану, принятому в 1946 году, было решено в основном сохранить градостроительную планировку, сложившуюся к концу XIX века. И это несмотря на объективные возможности зало-

жить город будущего, как это было реализовано в Минске, Киеве, Сталинграде (Волгограде) и других городах. Ведь Воронеж постановлением СНК СССР в 1945 году был отнесен к числу 15 городов страны, которым выделялись финансовые и иные льготы на скорейшее возрождение.

Но и новая старая губернская архитектура придавала центру Воронежа до некоторых пор неподражаемый шарм. Город оставался компактным, опрятным, привлекательным. В 1958 году завершается строительство самой короткой и эффектной улицы — улицы Мира.

Пятидесятые — шестидесятые годы — время индустриального возрождения города — восстанавливаются старые и строятся новые промышленные предприятия (заводы строительных алюминиевых конструкций, радиодеталей, станкостроительный, полупроводниковых приборов и др.). Расширяется жилой фонд. Застраиваются новые микрорайоны — Березовая Роща, Юго-Западный, Северо-Восточный, Ипподром, Северный.

Невероятно быстрыми темпами растет численность населения за счет сельских мигрантов и естественного прироста. Если по результатам Всесоюзной переписи населения в 1959 году в Воронеже проживало 454 тысячи человек, то к 1989 году численность города практически удвоилась. Были годы, когда население Воронежа прирастало ежегодно на 30 тысяч.

К началу 1990 года Воронеж становится одним из крупнейших центров электронной, химической, оборонной и космической промышленности, машиностроения, образования, культуры и спорта в Европейской России. К сожалению, вместе с распадом «Большой» страны и необдуманных экономических преобразований город во многом утратил свою былую значимость.

Считаю, что не к лучшему произошли и продолжают изменения в архитектурном облике Воронежа при точечной застройке центра. Нет объективных причин разрушения завода им. Ленина, экскаваторного, им. Калинина и других. Послевоенное восстановление города в предвоенных границах улиц вызвало перегруженность их транспортными средствами в настоящее время. Но проблема не в том, что растет парк автотранспорта — это ожидаемое неостановимое явление, а в том, что не видно свежих идей в ее решении.

За последние 20—30 лет Воронеж потерял свой прежний лоск — серые невзрачные старые микрорайоны, случайная малоэффективная структура зеленых насаждений, замусоренные и забытые легковым транспортом жилые кварталы.

Воронежу не хватает скульптурной архитектуры, несмотря на то, что в последние годы установлены памятники А. Платонову, С. Есенину, О. Мандельштаму. Украшением города могли бы быть новые памятники прославившим город и Воронежский край ученым (Б. М. Козо-Полянскому, Ф. Н. Милькову, В. И. Собинниковой, В. И. Соболеву, М. М. Вересину, А. Л. Чижевскому, А. Н. Северцову и другим), конструкторам космической техники (С. П. Королеву, С. А. Косберг, А. Д. Конопатову), артистам (Р. А. Мануковской, С. И. Папову), космонавту К. П. Феоктистову. Выбор велик. Остается только найти деньги и реализовать идею.

Стабилизировать городской комфорт, как нам видится, возможно при соблюдении минимум двух условий. 1. Повседневное взаимодействие городских властей и населения в сфере благоустройства. 2. Реализация на практике принципа «не там чисто, где не сорят, а там чисто, где метут».

